

Вестник ПСТГУ
II: История.
История Русской Православной Церкви.
2014. Вып. 3 (58). С. 82–105

Инокня Евфросиния (Седова),
докторант каф. истории Даугавпилсского университета
редактор газеты «Виноградная лоза»
Латвийской Православной Церкви.
ort.loza@gmail.com

Просветов Ростислав Юрьевич,
препод. Тамбовской духовной семинарии,
аспирант Общецерковной аспирантуры и докторантуры
им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия
kraevedster@gmail.com

СЛУЖЕНИЕ МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА (ФЕДЧЕНКОВА) В ЛАТВИИ В 1948–1951 ГГ.

Г. В. СЕДОВА, Р. Ю. ПРОСВЕТОВ

В статье рассматриваются основные этапы служения и архипастырской практики митрополита Вениамина (Федченкова) в Латвийской ССР после его возвращения на родину из Америки в 1948 г. За период управления Рижской епархией с 1948 по 1951 г. митрополит Вениамин последовательно выстраивал свои взаимоотношения с двумя уполномоченными Советом по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР. Авторы, опираясь на широкий круг архивных источников, показывают, что при всей законопослушности митрополита главным для него была забота о сохранении внутренней церковной автономии в условиях жесткого советского прессинга и налаживании конструктивного взаимодействия с государством. Также внимание в статье уделено положению латышских приходов, мыслям архипастыря о будущем Православной Церкви в Латвии и его действиям по укреплению православия среди латышей в период управления Рижской епархией.

В последнее время довольно пристальное внимание уделяется организации и работе Псковской миссии в Прибалтике в годы Второй мировой войны¹. Однако послевоенное положение Русской Православной Церкви в Латвии, Литве и Эстонии еще недостаточно изучено. Не было до сих пор исследований и о жизни Рижской епархии в послевоенное время.

Митрополит Вениамин (Федченков) получил назначение на Рижскую и Латвийскую кафедру 21 августа 1947 г. и явился фактически первым церковным иерархом после войны, который стал постоянно проживать в Риге. Поскольку он был вынужден задержаться в Америке вначале по делам экзархата, а затем и по болезни, то прибыл на кафедру в Латвию лишь 19 февраля 1948 г. «Радуйтесь! всегда радуйтесь, даже в скорбях, радуйтесь!» — с этими словами апостола Павла к Филиппийцам (Флп 4. 4) митрополит Вениамин обратился к рижской пастве на первом богослужении во вверенной ему Латвийской епархии². Для верующих

¹ См.: *Обозный К. П.* История Псковской Православной Миссии. 1941–1944. М., 2008; *Шкаровский М. В., Соловьев Илья, свящ.* Церковь против большевизма. М., 2013 и др.

² См.: *Смирнов Н., прот.* Прибытие в г. Ригу митрополита Вениамина // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 7. С. 68.

людей обращение архипастыря явилось не только духовным утешением, но и поддержкой в довольно сложные времена. Атеистические власти ломали привычный уклад жизни людей, решительно проводили так называемую советизацию — «встраивание» Прибалтики в советскую систему ценностей. Граждане бывшей Латвийской Республики должны были либо принять модель коммунистического режима, либо подвергнуться репрессиям и депортации. Умудренный жизненным опытом, Владыка увидел свою новую паству «молчаливой и невеселой»³, и перед ним как перед пастырем встала важная задача — собрать рассеянное стадо. Как апостол, он должен был приложить все усилия, для того чтобы побудить верующих к постоянной христианской радости, которая, по слову отцов Церкви, не меркнет, не иссякает в земных скорбях и является упованием на будущее, «семенем и залогом вечной радости»⁴.

Ознакомившись с состоянием дел в епархии, митрополит Вениамин в своем дневнике записал: «Состояние Епархии удовлетворительное, но не прекрасное: нет воодушевления. А в латышских приходах — плачевное, за недостатком священников и неглубокости Православия в латышских православных общинах»⁵. Положение в пограничной республике, вошедшей по итогам Второй мировой войны в состав Советского Союза, было непростым. В некоторых районах Латвийской ССР все еще продолжали действовать так называемые лесные братья (*meža brāļi*). Среди местного населения, в том числе и среди латвийского духовенства, наблюдались антисоветские настроения. Многие священники с отступлением немцев из Прибалтики вынуждены были покинуть свою родину. Многие из оставшихся были репрессированы за «сотрудничество с немцами»⁶. По оценкам современных историков, количество репрессированных и депортированных латвийцев в послевоенные годы составило более 200 тыс. человек⁷. В то же самое время начался массовый приток населения в ЛССР из центральных районов СССР. С учетом покинувших свою родину в годы войны коренных жителей состав населения в послевоенное время в Советской Латвии сильно изменился. При этом советская республика по-прежнему сохраняла свою многоконфессиональность, и помимо православных верующих здесь присутствовали лютеране, католики и старообрядческие общины.

С первых же дней своего пребывания на латвийской земле митрополит Вениамин пожелал поближе познакомиться с историей православия в Латвии. Уже 22 февраля 1948 г. он записал в дневнике: «Читаю книжечки о Латвийской Церкви, данные мне монастырским священником о. Николаем [Барановичем]»⁸. Кро-

³ Latvijas Nacionālā arhīva Latvijas Valsts arhīvs (tālāk — LNA LVA): LNA LVA 1452. f., 1. apr., 54. l., 118.–125. lp.

⁴ *Василий Великий, свт.* Беседы. Т. 1. (Беседа 4. О благодарении). Сибирская благозвонница. М., 2008. С. 892–900.

⁵ *Вениамин (Федченков), митр.* «За Православие помилует меня Господь...» Дневники. СПб., 1998. С. 56.

⁶ См.: *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). Мартиролог православных священнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. М., 1999.

⁷ См.: *История Латвии. XX век.* Рига, 2005. С. 327.

⁸ *Вениамин (Федченков), митр.* Указ. соч. С. 45.

ме того, архипастырь попросил священника Сергея Виноградова, состоявшего членом Епархиального совета, подготовить для него отдельный доклад об истории православия в Латвии⁹. О жизни Православной Церкви в Латвии митрополит Вениамин старался также узнать из разговоров с местным духовенством. Он внимательно изучал номера журнала «Православные миссионеры»¹⁰, который издавался в Риге в период немецкой оккупации, и знакомился с материалами антирелигиозной пропаганды в Советском Союзе, прочитывая советскую прессу за последние годы¹¹.

В этот период митрополит Вениамин старался больше общаться с прихожанами, принимая их по любому вопросу. Так, настоятель Дзинтарской церкви свидетельствовал: «Как только митрополит приехал в Ригу, он принимал всех и всем сочувствовал. Доходило до того, что какой-нибудь старушке стоило увидеть плохой сон, и она спешила к митрополиту за советом»¹².

В конце февраля 1948 г. в дневнике Владыки появляется новая запись: «Постепенно выясняется жизнь Латвийской Пр[авославной] Церкви. Мудреного нет... Недосток латышских священников (на 65 приходится 25!)»¹³.

Из 133 православных приходов 66 приходов в Латвийской епархии были латышскими, остальные — 8 единоверческих и 59 русских¹⁴. Латышские и единоверческие приходы были самыми малочисленными и в материальном отношении самыми малообеспеченными. Состояние храмовых зданий тоже оставляло желать лучшего. Многие из них не ремонтировались десятилетиями, а иные были разрушены прошедшей войной.

4 марта 1948 г. митрополит Вениамин записал в дневнике: «Читаю, читаю. Вопрос о латышских приходах все сильнее выступает на первую очередь. Нужно что-то предпринимать!»¹⁵ Вскоре по инициативе архипастыря была создана комиссия по улучшению обслуживания латышских приходов. На первую встречу комиссии в помещениях рижского кафедрального собора Рождества Христова 5 апреля 1948 г. собрались духовно опытные латышские священники: член Епархиального совета протоиерей Александр Лисман, настоятель собора протоиерей Иоанн Янсон и священники Филимон Ратниек, Павел Бормейстер и Владимир Янсон. Председателем комиссии был избран о. Александр Лисман, который познакомил всех присутствующих с задачами и целями комиссии. Собрание он открыл чтением письма епископа Таллинского Исидора (Богоявленского) к владыке Вениамину. Эстонский архипастырь в послании сообщал о положении вверенных ему православных приходов и о подготовке новых кадров священнослужителей¹⁶. В продолжение темы присутствующие ознакомились с письмом

⁹ Доклад был представлен митрополиту Вениамину 15 апреля 1948 г. и охватывал собой период, начиная с XII века и до окончания Великой Отечественной войны.

¹⁰ LNA LVA 1452. f., 1. arg., 56. l., 73.–74. lp.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 94.

¹² Там же. Л. 111.

¹³ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 46.

¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 110.

¹⁵ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 47.

¹⁶ См.: LNA LVA 7469. f., 2. arg., 416. l., 12. lp.

местного священника об известных ему лицах, которые после предварительной подготовки смогли бы принять священнический сан. Кадровая политика в епархии стала приоритетной, и особенно здесь уделялось внимание укреплению латышских приходов¹⁷. На собрании старейший священник протоиерей Иоанн Янсон также высказал соображения об исследовании вопроса касательно материального положения не только латышских приходов, но и материального достатка священнослужителей епархии в целом. Здесь важно отметить, что положение Церкви после национализации в ЛССР стало особенно тяжелым, так как общины лишились приходской собственности, которая раньше поддерживала их существование. Из-за миграции населения из сел и хуторов в город практика самообложения прихожан сельских приходов (характерная особенность уклада латышских приходов — жертвование десятой части личных доходов прихожан на приходские нужды) если и существовала, то очень слабо, а в некоторых приходах и вовсе сошла на нет.

Конечно, собственными силами, без дотаций из Московской Патриархии решить материальные проблемы епархии было очень трудно. Видимо, эти вопросы уже затрагивались митрополитом Вениамином в письмах к Патриарху. Так, еще 2 марта 1948 г. он записал в дневнике: «Я написал бол[ьшой] доклад о Латышской Церкви. Патриарху мною были посланы доклады по разн[ым] вопр[осам]»¹⁸. Результаты не заставили себя долго ждать. На ремонт храмов и на дотации духовенству из Московской Патриархии стала регулярно выделяться финансовая помощь. В 1949 г. она составила в сумме 100 тыс. руб.¹⁹

Однако главной темой обсуждения собрания комиссии по улучшению обслуживания латышских приходов стало выяснение причин упадка посещаемости богослужений. Напрашивались такие вопросы, как «Нужны ли на местах псаломщики или постоянные певчие, которые объединили бы вокруг себя способных петь и читать в церкви?» Обсуждалась целесообразность создания мобильных церковных трио или квартетов, которые могли бы выезжать на приходы. Данная инициатива носила бы не только просветительский, но и миссионерский характер. Наконец, для подготовки будущих клириков через настоятелей церквей было решено собирать сведения об имеющихся на местах кандидатах, которые смогли бы подготовиться к занятию священнических мест в латышских приходах²⁰.

С первых дней пребывания в Латвии митрополит Вениамин приобрел автомобиль и начал совершать поездки по епархии. В апреле 1948 г., на пятой седмице Великого поста, митрополит совершил поездку в центр единоверия в г. Резекне, где служил в соборной церкви и Николаевском единоверческом храме²¹. В сентябре 1948 г. он посетил Даугавпилс и служил там в пяти церквях. С 29 сентября по 2 октября Владыка посетил Лимбажский, Саласгривский и другие приходы

¹⁷ См.: LNA LVA 7469. f., 2. ap., 416. l., 12. lp.

¹⁸ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 45.

¹⁹ См.: LNA LVA 1452. f., 1. ap., 16. l., 91. lp.

²⁰ См.: LNA LVA 7469. f., 2. ap., 416. l., 112. lp.o.p.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 404. Л. 101 об.

Рижской епархии²², а с 16 по 18 октября — Либаву (Līerāja)²³. Во время этих поездок митрополит Вениамин вновь обратил внимание на недостаток священников в латвийских приходах. Для восполнения этого недостатка необходимо было открыть в Риге кратковременные курсы богословско-псаломщицкого характера. Несомненно, что существовала возможность направлять кандидатов в священнослужители в духовные школы Ленинграда и Москвы, а помимо этого принимать кандидатов из других областей. Однако в Латвии требовались священнослужители, знающие латышский язык, а потому необходимо было обеспечить их обучение на месте.

В этой связи Епархиальный совет решил пересмотреть и сократить программу экзаменов для ставленников в священнослужители. Для осуществления задуманного важно было собрать всю имеющуюся на латышском языке церковную литературу для подготовки к такому экзамену. Получив отказ в создании богословско-псаломщицких курсов, митрополит Вениамин направил молодых священнослужителей проходить практику в Рижском кафедральном соборе, где с 1949 г. в левом приделе в честь Рождества Богородицы стали совершаться регулярные службы на латышском языке. За каждым богослужением новопоставленные клирики говорили краткое поучение на латышском языке, а перед службой совершали панихиды и молебны. Также Владыка в своих проповедях просил «русских богомольцев всячески поддерживать <...> православных латышей»²⁴.

Кроме текущих административных дел, назначений, перемещений и различных хозяйственных распоряжений, новый управляющий Рижской епархией принял решение о сокращении и даже аннулировании многих церковных долгов разных приходов. Были понижены взносы с церковей²⁵. На собрании благочинных Рижской епархии, состоявшемся 4 августа 1948 г., митрополит Вениамин принял решение и по вопросу устройства вдовствующих латышских приходов²⁶. Кроме того, отцам благочинным предлагалось посещать приходы своего округа не менее одного раза в год и ревизовать не только кассовую книгу, но также материальную отчетность, богослужебный журнал и исполнение всех распоряжений епархиальной власти. Для устройства духовной жизни в каждом благочинии духовенству предлагалось избрать себе духовника. А если такой возможности не имелось или это встречало затруднение в каком-либо благочинии, то разрешалось духовенству того благочиния являться на исповедь к Рижскому духовнику или духовнику соседнего благочиния, представив справку о выполнении этого долга своему благочинному²⁷.

Важным шагом для активизации церковной жизни в епархии, по мнению митрополита Вениамина, должно было стать издание епархиального информационного бюллетеня «Вести», а также возрождение монашеской жизни в ЛССР

²² См.: *Силин Н. Н.* Жизнь и деятельность митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1961 гг. в контексте церковно-государственных отношений. Дис. ... канд. богосл. Сергиев Посад, 2010. С. 78.

²³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 404. Л. 94.

²⁴ LNA LVA 1452. f., apr. 1., l. 1., l. 1p.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 404. Л. 101 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 103.

путем дальнейшего благоустройства Рижского женского монастыря и организации мужского скита: «Самое главное — “капелька» монашества. В лучшем случае — послужу будущим искателям иночества», — писал он в дневнике²⁸. Однако первые попытки Владыки создать «ячейку мужского монастыря» на месте бывшей дачи, где в свое время жил архиепископ Иоанн (Поммер), не увенчались успехом. Со стороны местных властей архипастырь получил отказ. И в издании информационного бюллетеня митрополиту Вениамину удалось немного: выпустили только четыре номера.

Накапливая впечатления, вынесенные из жизни в новых условиях, митрополит Вениамин искал близких ему по духу людей и делился с ними своими мыслями. Что-то он писал в своих письмах, что-то в посланиях, докладах и обращениях к пастве. И почти везде рефреном звучал его основной призыв, обращенный как к самому себе, так и к священнослужителям епархии: «Послужи народу». В то же время Владыка очень близко принимал к сердцу нужды простого духовенства. Он интересовался положением семей священников, которые находились в заключении, и оказывал им помощь. «Бесконечно радуюсь и благодарю Бога, что Он послал вам Своего вестника и молитвенника за нас, в утешение нам — владыку Вениамина, — писал из заключения зять соборного протоиерея Иоанна Янсона священник Николай Трубецкой. — Ведь он мой бывший духовник, хотя и кратковременный. Я никогда не забывал и не забываю его в своих молитвах, памятуя слова: “Поминайте наставников ваших...” Передайте ему мой сыновний привет с просьбой молиться обо мне»²⁹. Эти теплые слова о Николае были в том числе вызваны весточкой от его маленькой дочери, которая сообщала: «Митрополит у нас был два раза, и мы его угощали...»³⁰.

В первой половине июля 1948 г. митрополит Вениамин выбыл в Москву, где принял участие в совещании глав и представителей Православных Церквей, приуроченном к 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви. В своих заметках об общих вопросах церковно-общественной жизни, написанных в этот период, он говорил: «...обличение папизма, экуменистов, и проч[ее], — поверьте, не принесло большой пользы...» на этом совещании. Владыка удивлялся, почему не был поднят целый ряд церковных задач, которые бы способствовали «духовным улучшениям» в разных сферах жизни в Советском Союзе³¹. В Москве он имел возможность поближе пообщаться с духовенством и правящими архиереями из различных епархий и сделать определенные выводы об общем положении Церкви. К тому же он продолжал вести обширную переписку с многочисленными корреспондентами как в Советском Союзе, так и за рубежом. По свидетельству уполномоченного, в течение года митрополит Вениамин отвечал более чем на 1500 писем³². Все это позволяло Владыке лучше узнавать нужды верующих и ближе знакомиться с жизнью в Советском Союзе.

²⁸ Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 63.

²⁹ «Дух уныния не даждь ми...» Воспоминания о рижскоградском протоиерее Николае Трубецком и его семье. Письма из заключения. М., 2008. С. 240.

³⁰ Там же.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 6. Л. 181–182. «Беглые заметки об общих вопросах церковно-общественной жизни».

³² Силин. Указ. соч. С. 84.

В конце 1948 — начале 1949 г. митрополит Вениамин написал письмо архиепископу Луке (Войно-Ясенецкому) о намерении лично погостить у него летом в Крыму и попросил подыскать ему квартиру на берегу моря. Владыка Лука распорядился о подыскании митрополиту Вениамину жилья и добавлял при этом: «...причем возможно, что и я буду жить вместе с ним во время летних каникул, месяца два. Митрополиту, конечно, не обязательно быть вблизи моря, но, главное, он хочет жить изолированно от “советских людей”, чтобы иметь полный отдых»³³. В своей докладной записке по этому поводу начальник Управления МГБ СССР по Крымской области генерал-майор Кондаков сообщал: «Вследствие того, что митрополит Вениамин во время пребывания белых в Крыму служил в крымских церквях, выступал с контрреволюционными проповедями, имел большие связи с антисоветским элементом, с которым он снова может восстановить связи, нам крайне нежелателен его приезд в Крым на отдых»³⁴. Таким образом, владыке в приезде в Крым было отказано.

В конце 1949 г. митрополит Вениамин записал в дневнике: «Работаю над творениями о. Иоанна Кр[онштадтского]. Мне назидательно самому. И богословски полезно... Угодник Божий. Необычайный подвижник! Что еще за 1949 год? В Москву решил меньше показываться: много причин этому. Печально — но лучше так... Не с кем поговорить открыто по многим вопросам... Какая грусть! Неужели это всегда бывало так?»³⁵

Исполняя свой архипастырский долг, Владыка призывал духовенство не гоняться за материальными благами и любить народ. На собрании благочинных Рижской епархии 4 августа 1948 г. он говорил: «И из писем, и из бесед в Москве, в моей душе остался один довольно печальный след: это — жалобы мирян на духовенство. Эти жалобы шли по двум линиям. И прежде всего — с материальной. Многие, искренно верующие, — как высоко интеллигентные лица, так и простецы, с великою скорбью жаловались, что с них много берут за требы»³⁶. Приведя несколько фактов, которые подтверждали его слова, Владыка увещевал отцов-священнослужителей: «Конечно, на это можно возразить, что подобные факты являются исключением. И бесспорно, что другие лица свидетельствуют о добрых примерах. Вероятно, последних больше. Этому хочется верить. Но у меня целый ряд писем от архиереев разных областей, в коих святители, притом достойные, жалуются на состав духовенства. Не дай Бог, чтобы подобные примеры были широким правилом. Что касается нашей Епархии, — то я лично мало еще знаю состав провинциального духовенства; а то, что приходилось слышать, слава Богу не заставляет беспокоиться о нем. И лишь в немногих случаях доходили до меня сведения или жалобы. Поэтому в Москве, при подобных беседах, я обычно с радостью свидетельствовал, что у нас этот вопрос стоит благополучно; однако я счел нужным поделиться с Вами, отцы, печальными разговорами и

³³ «Разработку Луки продолжаем...»: Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и Крымская епархия. 1946–1961: Сб. документов. М., 2011. С. 210.

³⁴ Там же. С. 211.

³⁵ *Вениамин (Федченков), митр.* Указ соч. С. 69.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 404. Л. 53.

письменными — на случай будущего: Боже, нас сохрани от подобного искушения и в будущем! Горе тому, через кого соблазн приходит»³⁷.

Для Латвийской епархии время с 1948 по 1951 г. оставалось крайне тяжелым, так как сотрудники МГБ по Латвийской ССР продолжали санкционировать аресты клириков и сотрудников епархии. За этот период были арестованы 16 человек, в том числе и личный шофер митрополита Вениамина Сергей Шенрок. И несмотря на все эти трудности, митрополит постоянно работал над вопросом пополнения кадров, советовался с более опытными и старейшими клириками. По его настоянию в приходах готовились достойные кандидаты: только с 1948 по 1950 г. Владыка посвятил в сан 13 человек³⁸. Большая часть из них представляла вполне зрелых людей: шесть — старше 50 лет, трое — до 50 лет и трое — до 40 лет³⁹. В 1948 г. было рукоположено пять священников и два диакона, в 1949 г. — один священник и диакон, а в 1950 г. — четыре священника⁴⁰.

Пристальное внимание Владыка уделял духовному образованию пастырей: четверо из рижских клириков учились в Ленинградской духовной семинарии, а в академии — семь священников. Для их обучения Епархиальным советом выделялось ежегодно по 6 тыс. руб.⁴¹ Во всем этом выражалась забота архипастыря о своей пастве и судьбе православия в ЛССР. Однако реализации многочисленных планов и начинаний Владыки мешали не столько материальные затруднения, сколько внезапное для него препятствие в лице уполномоченного Совета Н. П. Смирнова. В задачу нашей статьи не входит подробное рассмотрение взаимоотношений митрополита Вениамина с уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви в Латвийской ССР. Скажем только, что эти взаимоотношения были непростыми. Отношение к Церкви в Прибалтике со стороны государства, по мнению М. В. Шкаровского, «было гораздо более негативным», чем в целом по СССР⁴². После инкорпорации Латвии местные органы власти считали своим долгом активно проводить здесь антирелигиозную пропаганду. К тому же период с 1948 по 1953 г. в российской историографии считается началом нового рубежа в государственно-церковных отношениях⁴³. И несмотря на это, митрополит Вениамин всегда старался не только следовать строгому соблюдению всех законодательных норм государственной власти, но и всячески ограничивал ее вмешательство во внутрицерковную жизнь. Результатом этого явился конфликт митрополита с уполномоченным Н. П. Смирновым и приезд из Москвы старшего инспектора Совета по делам Русской Православной Церкви С. К. Бельшева для урегулирования их отношений. Проведя детальное расследование, вину за сложившееся положение в Латвийской епархии Бельшев возложил на епархиального секретаря протоиерея Николая Смирнова. По словам Бельшева, до приезда митрополита Вениамина в Ригу протоиерей Смирнов

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 404. Л. 53 об.

³⁸ См.: LNA LVA 1452. f., 1. apr., 16. l., 4. lp.

³⁹ См.: Там же.

⁴⁰ См.: Там же, 3. lp.

⁴¹ См.: Там же, 4. lp.

⁴² Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 332.

⁴³ См.: Там же. С. 9.

был «полновластным хозяином» в делах Рижской епархии, так как прежний архиепископ Виленский и Литовский Корнилий (Попов), временно управлявший епархией, редко приезжал в Ригу. С прибытием митрополита Вениамина положение протоиерея Смирнова оказалось «второстепенным и зависимым». Оказавшись посредником между уполномоченным и митрополитом, тот стал блокировать инициативы правящего архиерея, что, в свою очередь, вполне устраивало и уполномоченного Совета, так как главной его задачей было не допустить активизации церковной жизни в республике. После выяснения всех обстоятельств дела протоиерей Николай Смирнов был отстранен от должности епархиального секретаря, а уполномоченный получил из Совета дополнительные инструкции и разъяснения по своей работе. В дальнейшем митрополит Вениамин мог разрешать все вопросы с уполномоченным напрямую, и отношения между ними вскоре нормализовались⁴⁴.

Деятельность митрополита Вениамина на Рижской кафедре была активна и многогранна. 16 ноября 1948 г. он принял участие в заседании Священного Синода, на котором выступил с сообщением: «О желательности разрешения лютеранам совершать свои богослужения в православных храмах, в тех местах, где нет лютеранских церквей, в пределах Рижской епархии». Инициативу митрополита Синод отклонил с формулировкой: «В силу §2 Договора о передаче в пользование общине православных верующих церковных зданий и культового имущества без права предоставлять таковые в пользование лиц, не входящих в состав данной религиозной общины, а также имея в виду, что попеременное пользование одних и тех же храмов различными вероисповеданиями может создать безразличное отношение православных к вероисповедному вопросу, поэтому Священный Синод считает нецелесообразным разрешить лютеранам пользоваться православными храмами для своих богослужебных собраний»⁴⁵.

В течение мая—августа 1949 г. митрополит Вениамин предпринял ряд новых поездок по епархии. Всего в этом году таких поездок было восемь, в ходе которых Владыка посетил до 30 приходов⁴⁶. О своих поездках он подробно информировал Епархиальный совет. В первую поездку, которая состоялась с 20 по 23 мая 1949 г. и охватывала собой приходы в Цесисе, в Валмиере и в Смилтене, митрополит сообщал: «Везде служили, проповедовали, исповедовали, причащали. При содействии взятых из Риги священнослужителей, — со службами справились вполне удовлетворительно. Но главное мое внимание было обращено на основную цель: на православие среди латышей»⁴⁷.

Удручающим фактом для митрополита стало практически полное отсутствие в латышских приходах самих латышей: «Если уж на дни архиерейского приезда их нет в храме, — то как можно винить священников, что они не могут поднять латышского православия?!», — сетовал он⁴⁸. В большинстве приходов наблюдалось большое количество русских православных людей: «Они были и горячи по

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 404.

⁴⁵ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 85. l., 70. lp.

⁴⁶ См.: *Силин*. Указ. соч. С. 81.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 140.

⁴⁸ Там же.

настроению, и в большом количестве исповедовались (особенно в Валмиере) и усердно слушали проповеди»⁴⁹.

Вторую поездку по епархии Владыка совершил 4–6 июня и посетил Ляудон, Марциену, Берзауне и Лаздону⁵⁰. «Народ латышский произвел на меня отрядное впечатление смиренных овец Христова Стада», — сообщал он по итогам поездки⁵¹. Далее следовали выводы: «Нужно во что бы то ни стало довести до благополучного конца ремонты церквей, о чем у нас уже вынесено решение. Нужно вести за этим постоянное и активное наблюдение, а когда следует, давать еще и помощь. (Между прочим вспоминаю храм, где настоятелем о. Абель; и храм, и батюшка заслуживают внимания.) И когда мы сделаем хотя бы лишь это, то будем благословлены Богом и спокойны в совести перед нашей церковью»⁵². Далее Владыка указывал, что для активизации работы в латышских приходах, необходимо подыскать трех-четырёх «кандидатов» в священники из числа латышей.

10 июля митрополит Вениамин совершил поездку в Кокнесе. С 30 июля по 2 августа посетил северо-восточную часть Латвии: Палсмане, Вецлайцене, Алуксненский приход, Лиепну, Тюршино. «Из этой поездки, — писал Владыка, — я впервые сделал для себя ясный вывод: поездки архиерея имеют большое значение! Они поднимают веру в народе, утешают их в скорбях (у всех почти есть жертвы в войне); разъясняют недоуменные вопросы; радуются архиерейской службе, располагают любить, уважать власть»⁵³. Конечно, митрополит Вениамин не впервые для себя пришел к выводу о важности поездок архиерея по своей епархии. Но ему важно было это подчеркнуть для уполномоченного, который, несомненно, также знакомился с этими докладами.

7 августа архиерей совершил поездку в Лимбажи Валмиерского благочиния. Благочинным округа в это время состоял священник Владимир Янсон. «Молодой еще по священству, — писал митрополит, — но солидный уже по возрасту (около 50 лет) высокообразованный человек, священник о. Владимир Янсон. Он окончил и университет, и богословский факультет. Но главное его достоинство состоит в горячей любви к православию братьев-латышей; он хотел бы всех латышей видеть такими же искренними и твердыми православными, каким является он сам... Ему, главным образом его ревности, обязан я своими визитациями латышских приходов. Он возбуждал меня ездить, он уговаривал и настоятелей просить меня; он старался организовать и расписание поездок; и большею частью сам он сопровождал меня в поездках; говорил проповеди на латышском языке и переводил мои русские слова. Спаси его, Господи!»⁵⁴

Не раз во время своих поездок по епархии митрополит Вениамин поддерживал сельское духовенство не только словом, но и материальной помощью. Так, перед отъездом из прихода в Лимбажи он оказал такую помощь семье местного священника: «Сокровенно вложил матушке на семью некоторую сумму денег»⁵⁵.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 143.

⁵⁰ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 56. l., 77.- 98. lp.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 126.

⁵² Там же. Л. 127.

⁵³ Там же. Л. 130.

⁵⁴ Там же. Л. 126.

⁵⁵ Там же. Л. 131.

И, говоря о доходности данного прихода и приходов вообще, Владыка указывал: «Кстати сказать, в Латвии существовал и существует хороший обычай: никогда архиерей не берет за свой визит и службу денег!»⁵⁶ Здесь же он признается, что в основном суммы, отпущенные Патриархией на помощь латвийским приходам, расходуются «на восстановление разрушенных войной или обветшавших латышских храмов и на оплату обслуживающих вакантные латышские приходы», а также на «священников, выезжающих из мест своего настоятельства»⁵⁷. Ведь некоторым священникам приходилось окормлять по 5–6 приходов одновременно.

На обратном пути митрополит Вениамин попутно посетил приходы в Вилькене, Салацгриве и Айнажи. В этот раз сопровождающих было мало. «И лишь автомобильная наша машина, — вспоминал Владыка, — немного обращала [на себя] внимание в провинциальных местах. А отчасти и радовала: если архиерей православной церкви едет свободно, да еще в машине по Латвии, значит, религия дозволена и можно всякому ходить в церковь молиться»⁵⁸.

13–15 августа митрополит Вениамин совершил поездку в Курземе: города Тукумс, Талси, Кюльциемс, Валдемарпилс, Дундагу, Колку, Вентспилс (б. Виндава), Угале, и обратно, через Дубулты добирается до Риги. За три дня было преодолено около 600 км. 21–22 августа Владыка посетил Эргльское благочиние: приходы в местечке Нитауре, Заубе, Косе, Ежи, Байнужи⁵⁹. В этой поездке его, как обычно, сопровождали священник Владимир Янсон, протодиакон Василий Мельников, иподиакон Леонид Морозов и шофер Сергей Шенрок. С 22 августа к ним присоединился настоятель посещаемых в этот раз церковей (приходов) протоиерей Августин Гофман⁶⁰. Храмы здесь, как сообщал Владыка, были везде очень хорошие, «сохранившиеся потому, что стоят вне шоссе, где проходили войска»⁶¹.

Последняя летняя поездка намечалась на 27–28 августа, в которой предполагалось посетить пять мест в один день (в северо-восточной части Латвии): «Виксно, Балви, Шкельбаны, Руган — это 27 августа, а на другой день — литургию служить опять в Балви, в день Успения Божией Матери»⁶². Однако поездка оказалась unsuccessful, так как «недостаточно точно рассчитали время и дорогу»⁶³.

Везде в этих посещениях приходов Рижской епархии митрополит Вениамин придавал большое значение встречам и беседам с прихожанами после служб. «В церкви наши богомольцы обычно являются пассивными, молчаливыми слушателями: это — хорошо. Но еще лучше, если они к этому могут иметь время и возможность высказать и свои мысли, поговорить о своих нуждах, поделиться своими чувствами любви. Все это можно сделать за трапезой», — резюмировал он⁶⁴.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 132.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 56. l., 77.–98. lp.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 137.

⁶¹ Там же. Л. 138.

⁶² LNA LVA 1452. f., 1. apr., 56. l., 77.–98. lp.

⁶³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 139.

⁶⁴ Там же. Л. 145.

Общее мнение митрополита Вениамина о поездках по епархии было таково: «...не так плохо, как говорят». Для себя он наметил несколько основных задач: «1) Храмовые здания в общем удалось и удастся сохранить и восстановить. 2) Состояние с кадрами “опасное и тревожное”. 3) Не везде есть дома для клира. 4) Очень многие латышские приходы не в состоянии оплачивать расходы — нужна помощь Патриархии»⁶⁵.

О духовенстве Владыка вынес мнение, что оно свои обязанности исполняет удовлетворительно. Выход из сложившейся ситуации с нехваткой кадров митрополит видел только в том, что священников нужно искать среди простых людей, среди народа: «Нужно сойти с принципа образовательно-богословского на принцип морально-народный»⁶⁶. Эту мысль он высказывал и ранее, придерживаясь также ее и впоследствии, называя новопоставленных священников по аналогии с апостолами — «рыбаками»⁶⁷.

Одной из важных инициатив архиерея, которая также осуществилась в Рижской епархии, стало издание епархиального бюллетеня «Вести». Издателем «Вестей» был Епархиальный совет. Руководил изданием сам митрополит Вениамин⁶⁸. Печатали бюллетень в издательстве газеты «Советская Латвия»⁶⁹. Изначально «Вести» планировалось выпускать объемом в четыре страницы формата А5 ежемесячно. Однако в 1949 г. свет увидели всего три выпуска «Вестей», а в январе 1950 г. вышел последний, четвертый выпуск.

В «Вестях» публиковались небольшие заметки митрополита Вениамина: «Об исповеди духовенства» (№ 1), «О крестных родителях» (№ 3), «О совершении таинства крещения», «Об открытии врат», «О наклонении Св. Чаши на главы» (№ 4), «Обращение к православным мирянам Латвии по поводу свечного вопроса». Однако большая часть материалов, которые митрополит готовил для публикации, в издание войти не могла⁷⁰. Каждый номер бюллетеня предварительно просматривался уполномоченным Советом и подвергался значительным цензурным сокращениям. Еще 30 марта 1949 г. Г. Г. Карпов сообщал: «Совет считает, что печатание епархиального бюллетеня “Вести” должно быть ограничено разрешенным размером и тиражом. В связи с этим из №№ 3 и 4 бюллетеня должны быть исключены все статьи и заметки и оставлены только материалы о назначениях, перемещениях и изменениях в личном составе епархии. Соответствующие указания митр[ополиту] Вениамину будут даны и по линии Московской Патриархии»⁷¹.

Примечательно, что в трех номерах «Вестей» печатались материалы и на латышском языке, подготовленные священником Владимиром Янсоном. По этому поводу Владыка писал уполномоченному: «Обращаю Ваше внимание и на латышские отделы (т.е. напечатанные на латышском языке) о богослужении. Нам казалось и кажется, что в Латвии следует хотя бы 1 страницу или даже ½ страни-

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 140.

⁶⁶ *Силин*. Указ. соч. С. 82.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 58.

⁶⁸ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 1. l., 1., 3.–6. lp.

⁶⁹ Там же. apr., 1. l., 3., 73. lp.

⁷⁰ Там же. apr., 55. l., 2. lp.

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 53. Л. 88.

цы посвящать латышскому православному народу. Ведь нужно иметь в виду, что весьма значительное количество православных латышей не знают русского языка, как я лично убедился в этом при летнем объезде очень многих латышских приходов. А есть и священники, не владеющие еще русским языком, хотя таковых, правда, очень мало. Но не только этим, но и другим латышам из священников нелегко было бы переводить отвлеченный богословский язык о богослужении. А здесь будет все уже готово: придется лишь прочесть по-латышски да немного еще растолковать. Мы (члены Еп[архиального] Совета) искренно полагаем, что внедрение православия в латышскую среду не только будет полезно для Церкви, но и для Советской Латвии, и для улучшения взаимоотношения между русским и латышским населением Л[атвийской] Республики»⁷². Довольно важное замечание, которое Владыка впоследствии разовьет в специальном докладе.

Другая инициатива митрополита, которой было суждено осуществиться, — устройство в Дубултах под Ригой мужского скита (под видом архиерейской дачи) с храмом в честь святого равноапостольного князя Владимира. Судя по дневниковым записям митрополита, 15 мая 1949 г. он окончательно переехал в скит на жительство. Летом 1949 г. здесь проходили ежедневные службы, сюда приезжали и жили здесь семинаристы. Скит-дача в Дубултах была на полном обеспечении митрополита Вениамина. Он писал: «При отсутствии курортных богомольцев, при бедности местных трудящихся, я все зимние месяцы обязан оплачивать на содержание обслуживающих лиц (их там всех теперь 4) и зданий — до 1000 р[ублей] в месяц из своих средств. — Я рад это делать»⁷³. В это время на даче проживали: иеромонах Кирилл (Смирнов), бывший прежде в «Преображенской Пустыньке» (близ г. Елгавы); протоиерей Зиновий Витвицкий, состоявший делопроизводителем по личной канцелярии Владыки; Иван Карпушин, выполнявший функции сторожа и певчего⁷⁴.

Помимо этого, митрополит Вениамин арендовал дачу в Дзинтари⁷⁵. Можно сказать, что в этот период Владыке было где уединиться для отдыха и молитв вдали от городской суеты. Сюда же, на Рижское взморье, он приглашал своих духовных гостей. В мае 1950 г. у митрополита гостил иеромонах Псково-Печерского монастыря Киприан (Новиков), а летом того же года — епископ Гавриил (Огородников) и профессор Московской духовной академии протоиерей Тихон Попов. С 19 по 23 октября 1950 г. Ригу посетил епископ Таллинский Роман (Танг). Как сообщал уполномоченный, целью визита епископа Романа было получение совета у митрополита Вениамина в ведении епархиальных дел⁷⁶. Вместе с Владыкой Романом прибыл и наместник Псково-Печерского монастыря архимандрит Пимен (Извеков), будущий Патриарх, а также некий священник Александр⁷⁷. Такие визиты, несомненно, прибавляли хлопот и местному уполномоченному, и органам МВД ЛССР.

⁷² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.

⁷³ Там же. Л. 14.

⁷⁴ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 56. l., 44.–46. lp.

⁷⁵ Там же. Л. 70.

⁷⁶ См.: *Силин*. Указ. соч. С. 84.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 712. Л. 157.

В 1950 г. Рижская епархия праздновала свой юбилей: 100 лет назад Рижское викариатство было преобразовано в самостоятельную епархию. Юбилею был посвящен съезд благочинных, который состоялся в Риге 14–16 июля 1950 г. На нем присутствовали благочинные всех округов, рижское духовенство, а также некоторые старосты городских церквей. Собрание состоялось в храме преподобного Сергия Радонежского в Рижском Свято-Троице-Сергиевском женском монастыре под председательством митрополита Вениамина⁷⁸.

На этом собрании вновь было уделено особое внимание нуждам латышских приходов. Отдельно на собрании были заслушаны доклады протоиереев Владимира Янсона и Иоанна Эныня, в которых они говорили о непростом и даже скорее бедственном их положении. Малочисленность приходов, разбросанность прихожан по отдельным хуторам среди инославных, недостаток священников и псаломщиков, нехватка средств на ремонт храмов — вот лишь некоторые проблемы, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться. На собрании митрополит Вениамин попросил о. Иоанна Эныня принять все меры к тому, чтобы скорее использовать пожертвование от Патриарха Алексия (Симанского) на ремонт церкви в Марциене, освященной в честь святителя Московского Алексия, имя которого носил предстоятель Русской Православной Церкви. Это нужно было сделать, не дожидаясь даже регистрации «двадцатки». Со стороны Владыки также прозвучала мысль, что латышские приходы «будут и впредь у нас первой заботой, как это и было»⁷⁹. И в заключение архиерей заострил внимание присутствующих на том, чтобы все русские приходы добросовестно и честно исполняли свои обязанности по взносам в Епархиальный совет и восполнению долгов своих: «Это даст возможность епархиальному управлению помогать... бедным приходам, как русским, так, в особенности, латышским»⁸⁰.

Дни юбилейных торжеств съезда завершились 16 июля. В этот день митрополит Вениамин выступил с обстоятельным докладом «Современное положение православия в Латвии». В данном докладе, а также в двух своих небольших записках, которые не были на собрании озвучены, — «Краткий период о положении Православной Церкви на основе прошлого» и «Мои размышления о духовно-общественном моменте Православной Церкви в Латвии» — Владыка делился своими наблюдениями о жизни в Советской Латвии, а также представлял собственное видение настоящего и будущего православия в этой республике. Остановимся на этом подробнее, так как мысли Владыки представляют несомненный интерес.

Опираясь на опыт предыдущих лет существования Православной Церкви в Латвии и свои наблюдения за последние два с половиной года, митрополит Вениамин пришел к выводу, что для православия в советской республике наступили самые благоприятные условия, так как никогда еще сюда не притекало столько православных людей из центральных областей России, тогдашнего Советского Союза⁸¹. Он писал в своих записках, что, несмотря на безрелигиозность

⁷⁸ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 2. l., 1.–9., 14.–41. lp.

⁷⁹ Там же. 2. l., 51. lp.

⁸⁰ Там же. 5.–61. lp.

⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 90.

советского правительства, воссоединение с Советским Союзом благотворно для Церкви в ЛССР. Здесь у Православной Церкви союзников не было и нет, и существуют лишь три силы: протестантская, католическая и националистическая, которые являются, по сути, врагами Церкви, как вообще русской, прежде «царской», а теперь «советской». В случае перемен латвийская иерархия возьмет курс «национальный», латвийский, и в церковно-юридическом отношении это приведет к стремлению отделиться от «русской церкви» по возможности до самостоятельности и в лучшем случае до «автокефальной» автономии. Народ протестовать не будет, потому что глубокого православия в душе его еще нет, а соблазн политической самостоятельности слишком велик. Поэтому вся надежда у православных именно на «советскую силу»: «Промысл Божий, спасая Православие, пошлет сюда Русскую Армию»⁸², — утверждал митрополит Вениамин. «И касаясь Латвии, — по долгу искренней любви к ней, как месту жизни и действий моих ныне, — я пишу все это по мотивам самым добрым, по желанию блага этой стране вообще, и прежде всего — Православной Церкви в частности. Так и прошу понимать и принимать мои размышления», — добавлял Владыка⁸³.

Самостоятельность небольшого государства при соседстве огромных и сильных организмов, борющихся между собой, будет мнимой, говорил он. Простая география Латвии и России показывает, что им лучше всего жить добрососедски вместе и сотрудничать. И в этом деле мирного сожительства и сотрудничества большое значение имеет религия. А Православная Церковь является наиболее благоразумным фактором примирения, потому что православие «по существу своему всегда было и будет миротворческим началом», по сравнению с католицизмом и протестантизмом⁸⁴.

Высказывая мысли о будущем Православной Церкви в Латвии, митрополит писал: «Русский элемент значительно более религиозен, чем латыши»⁸⁵. Это понятно. Религия в России существует более 1000 лет, а православие в Латвии немногим более 100 лет (с 1836 г.), не считая небольшой группы русских, живущих в Прибалтике издавна (гл[авным] обр[азом] городские торговцы). Кроме того, за последние годы войны многие латыши ушли за границу, и число православных убавилось через это. Дальше. Многие латыши из-за нелюбви к «русским» (советским) людям, лишившим их самостоятельности («суверенности»), бывших у них при Ульмане, отошли душою и от церкви, и от православной (русской) веры. Недостаточно и латышских кандидатов в будущие священники. Школ нет, да и молодых кандидатов для пастырского училища тоже почти не видно. А сверх всего и общая современная психология латышей не располагает их к церкви. Дело в том, что рядовой латыш (не говорю уже о более богатых из них) по душе своей «мелкобуржуазен». А так как теперь проводится принцип социалистическо-колхозный, то латышу это не нравится, хотя он и молчит об этом. Наша же Православная Церковь приемлет новый принцип социальной и экономической жизни. И потому эти мелкобуржуазные латыши несочувственно

⁸² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 151.

⁸³ Там же. Л. 152.

⁸⁴ Там же. Л. 155.

⁸⁵ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 2. l., 4. lp.

относятся и к нашей (“советской”) церкви. А другая часть латышей вообще стала безрелигиозной. Ввиду всего этого перспективы о православии среди латышей представляются мне далеко не в радужном свете», — заключал в то же время Владыка⁸⁶.

Здесь под «мелкобуржуазностью» митрополит Вениамин подразумевал именно то, что латыши большей частью привыкли жить хуторами, отдельно друг от друга. Церковь поддерживали десятиной. Но с приходом колхозного строя уклад их жизни менялся, и это неизбежно отражалось на их настроении и на церковных поступлениях.

Далее митрополит Вениамин продолжал: «...когда эта “мелкобуржуазность” будет постепенно изживаться и народные массы будут переходить на советский колхозный порядок, тогда латыши будут сближаться с русскими советскими людьми и, таким образом, падет постепенно стена подозрительности к “русской вере”. Но и здесь я еще не вижу больших успехов, поскольку колхозная жизнь не располагает к религиозному уклону, а скорее даже (особенно в начале коллективизации) удерживает от религии, а часто и настраивает против нее (это известно)»⁸⁷.

К вопросу о православной миссии и будущем православия в Латвии митрополит Вениамин не раз возвращался за время своего пребывания на Рижской кафедре⁸⁸. И, как мы видим, всю свою надежду на укрепление православия здесь он возлагал на «процесс советизации жизни», когда вместе с «русской» советской волной край будет пронизываться и православным влиянием⁸⁹. В своем докладе митрополит прямо говорит: «...у нашей церкви в Латвии есть теперь и сильный помощник. Кто он? Это — русский православный народ, который, в силу неотвратимых исторических условий по Промыслу Божию, стал притекать сюда из Руси святой. Я этому придаю огромное, определяющее значение. Доселе еще не было такого благоприятного условия: ни священнослужители (как бы ни было велико наше служение и благодать хиротонии), ни государственная помощь прошлого не могли дать нам столь много, как настоящий м а с с о в ы й наплыв православных людей из центральных областей Союза. И я верю, что он не прекратится, а, наоборот, усилится еще больше. Эта религиозная масса поможет и братьям латышам сохраниться и укрепиться в православии... Эти незаметные и безыменные бабушки, матери, сестры, которые наполняют теперь наши храмы, — имеют громадное миссионерское значение. Дерзну сказать: пожалуй, больше даже, чем мы, духовные; ибо они проникают везде, куда нам не под силу, и они носят в себе такую силу, которой не сломила никакая пропаганда. Силен и премудр Господь устраивает Свою Церковь, которой и врата адавы не одолеют»⁹⁰.

Так как 1950 г. совпал еще и со 150-летием единоверия в Латвийской епархии, то Владыка посчитал своим долгом посетить в этот год и единоверческие

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 146–147.

⁸⁷ Там же. Л. 148.

⁸⁸ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 2. l., 4. lp.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 148

⁹⁰ Там же. Л. 90.

приходы, которых насчитывалось около шести-восьми во всей епархии⁹¹. В период с 13 по 16 октября он выезжал (поездом) в различные единоверческие приходы⁹². 9 ноября 1950 г. митрополит разослал по единоверческим приходам свое архипастырское послание, и в тот же день в рижском кафедральном соборе Рождества Христова было совершено торжественное архиерейское богослужение по случаю данного юбилея⁹³.

Пользуясь столь значимыми событиями для епархии, митрополит Вениамин 13 ноября 1950 г. через Епархиальный совет предписал, чтобы с 1951 г. в каждом приходе велась церковная летопись. Он также просил настоятелей собирать факты, связанные с жизнью прихода, и сообщать об этом Епархиальному совету⁹⁴.

Важной заботой Владыки также была противосектантская деятельность. Он писал: «А тут еще развивается (или, во всяком случае, крепко держится сектантство, куда идут и русские, и латыши из протестантов; оно — ближе православия (кстати, оно внутри “антисоветское”) — это мне известно еще из Америки, от выехавших туда сектантских вождей. И, кроме того, там идет апокалипсическая проповедь о близости конца мира, что связывается с безрелигиозной идеологией марксизма и коммунизма, потому среди сектантов и сильна струя ожидания кончины. Среди сектантов этим выделяются особенно “адвентисты”, т. е. ожидающие “пришествия” (Adventus — *лат.*) Христа в близком будущем. Это сектантство отвлекает часть православных к себе»⁹⁵.

Об этом же факте митрополит писал в своих «Беглых заметках об общих вопросах церковно-общественной жизни» в 1948 г.: «Среди некоторых групп верующих распространена идея близкого конца мира. И она иногда доходит даже до патологического фанатизма, а подчас даже до сумасшествия. Мне приходится бороться против такого увлечения, не только ради Церкви, но и ради Отечества, потому что эти апокалиптики связывают свой фанатизм с советской властью; а вместе с тем разрушают и Церковь, и самих себя, становясь на нездоровый путь. А для борьбы с этим болезненным явлением необходимо иметь фактический материал: доброе отношение к Церкви со стороны Власти»⁹⁶.

Необходимо отметить при этом, что время, в которое митрополиту Вениамину выпало нести свое церковное служение в СССР, не предвещало доброго отношения к Церкви со стороны власти. Положение усугублялось еще и тем, что активные военные действия в Корее на фоне шумной «борьбы за мир» в Советском Союзе многих людей в ЛССР склоняли к мысли о приближении новой мировой войны с Западом. Об этих настроениях в Рижской епархии докладывал и уполномоченный: «Сам митрополит Вениамин в беседе со мною рассказал,

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 712. Л. 155–156.

⁹² LNA LVA 1452. f., 1. apr., 56. l., 14. lp.

⁹³ Там же. Л. 156.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Л. 147.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 6. Л. 181. Тему «конца мира» митрополит Вениамин поднимал и ранее, еще за границей (см.: *Вениамин (Федченков), митр.* О конце мира. [Письма свящ. Александру в Париж.] // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. № 1(12). М., 1997. С. 196–212.

что он думал на досуге о том, как будет вести себя Латвийское духовенство в случае начала войны и прихода сюда американцев, пришел к выводу, что оно настроено в своей основной части антисоветски и ждет иной власти. Это высказывание показательное само по себе и характеризует как православное духовенство Латвийской ССР, так и самого митрополита Вениамина»⁹⁷. Таким образом, для пограничной советской республики иметь у себя под боком самостоятельного архиерея, бывшего «американца», который к тому же не понаслышке знал зарубежную жизнь, а в прошлом даже участвовал в Белом движении, было не совсем удобно. Руководящие органы Советской Латвии вместе с местным уполномоченным начинают сигнализировать в центр о желательной замене правящего архиерея.

Первое открытое недовольство уполномоченного А. А. Сахарова было вызвано Пасхальным посланием митрополита Вениамина, которое он разослал по епархии весной 1950 г. Уполномоченный сообщал: «Пасхальное послание, которое митрополитом Вениамином предполагалось к напечатанию в бюллетене “Вести” — он по приходам не рассылал, а разослал пасхальное послание в новых вариантах»⁹⁸. То есть разослал послание, с которым не был заранее ознакомлен уполномоченный.

Весьма болезненным вопросом для Сахарова явилось нежелание митрополита Вениамина включиться в «борьбу за мир»⁹⁹. В конце 1950 г. уполномоченный сообщал в Совет: «Заслуживает серьезного внимания высказывание митрополита Вениамина об участии духовенства в борьбе за мир, в частности в организациях и комитетах Странников Мира. При одном из визитов в ноябре 1950 года, касаясь этого вопроса, митрополит Вениамин высказался, что состояние мира не зависит от воли людей, за мир нельзя бороться, за него только можно молиться»¹⁰⁰. В частности, он указал, что выступления митрополита Николая (Ярушевича. — *Авт.*) по вопросам мира, в той части, где он указывает, что “борьба за мир есть осуществление заветов Христа” — канонически неправильна. Из других источников мне известно, что среди приближенного духовенства митрополит Вениамин допускал более резкие высказывания против участия духовенства в международном движении за мир»¹⁰¹.

Эти слова уполномоченного подтверждают и собственные дневниковые записи владыки Вениамина. «Пусть я недостойный и грешный, — писал он, — но за Православие помилует меня Господь, как и доселе миловал и хранил. Вот задача и мне на остальные дни и годы (если Бог даст их) моей жизни... <...> И основание есть — интересоваться этим, т. е. защищать Православие... Например, учение о Царстве Божиим «на земле»; речи на конгрессе (особенно о. Джонсона, да и М[итрополита] Н[иколая]); впечатления от совещания 1948 г. (все внешнее — сравнительно с моим докладом к инославным церквам) и прочее»¹⁰².

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 712. Л. 119.

⁹⁸ Там же. Л. 66.

⁹⁹ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 56. l., 14. lp.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 32.

¹⁰² Вениамин (Федченков), митр. Указ. соч. С. 76.

Незадолго до этого, 16–18 октября 1950 г., в Москве состоялась Вторая Всесоюзная конференция сторонников мира. В числе прочих гостей на этой конференции выступил архиепископ Евангелическо-Лютеранской Церкви Латвии Густав Турс. В своей речи он говорил: «Во всех евангелических лютеранских церквях моей Родины Латвии в богослужениях произносятся молитвы за мир, за содружество и единодушие всех народов. Перед этой знаменитой конференцией в евангельских храмах города Риги и всей Латвийской Союзной Республики молились за мир, за друзей и сторонников мира, здесь сегодня на эту конференцию собравшихся. Молитесь и за борцов мира, за храбрых воинов, которые во время Отечественной войны боролись за мир и своими подвигами и победами сотворили и принесли народам желанный мир. Слава и спасибо им за это»¹⁰³. Митрополит Вениамин к неудовольствию уполномоченного таких речей не говорил и в данной конференции не участвовал.

26 декабря 1950 г., согласно указаниям Совета по делам Русской Православной Церкви, при встрече с митрополитом Вениамином Сахаров передал ему «просьбу» Совета написать для выступления по радио две статьи, в том числе и статью «Православная церковь Латвии в борьбе за мир». Со слов уполномоченного, митрополит Вениамин «без колебаний» обещал исполнить эту просьбу¹⁰⁴. И действительно, в начале нового 1951 года, в канун Рождества Христова, Владыка распространил по епархии письменное приветствие с заглавием «Вместо поздравления», в котором довольно подробно остановился на вопросе «мира». Отталкиваясь от слов евангельского благовестия: «Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение», он обращал внимание на то, что мир на земле уже наступил. И этот мир есть «мир Божий», «мир Христов». «Мир Христов — совсем не земной мир, — писал он в приветствии, — а Божий, Христов, благодатный, мир от Духа Святого, Который и назван Господом Духом Утешителем»¹⁰⁵. «И если и проповедники христианские, — продолжал он, — доселе говорят, что мира на земле нет, то это явный признак, что и они “не знают” по опыту своему мира от Утешителя Духа; и путают мир земного мира с миром Христовым, Утешителевым: “а если же кто Духа Христова не имеет, то [тот] и не Его”, не Христов (Рим 8. 9)»¹⁰⁶. Почему же тогда вокруг войны и всемирная вражда? — спрашивал он: «И в наши времена потрясаются общества; продолжают международные и междуусобные разногласия и войны, ереси и расколы... Где же мир на земле, возвещенный ангелами? Где же мир, принесенный Богочеловеком на землю? Где же мир, который возвещает Евангелие и проповедь апостолов?.. «Весь мир во зле лежит», — сказал Апостол (1 Иоанн 5.19)»¹⁰⁷. Митрополит Вениамин подчеркивал, что есть мир внешний и есть мир внутренний, духовный. И далее заключал: «И поэтому всякий истинно верующий и исполняющий заповеди Христовы, всякий истинно кающийся грешник имеет внутри себя мир

¹⁰³ Вторая Всесоюзная конференция сторонников мира // Советская Латвия. 1950. 19 окт. № 248 (1849). С. 2.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 831. Л. 8.

¹⁰⁵ Там же. Л. 15.

¹⁰⁶ Там же. Л. 16.

¹⁰⁷ Там же. Л. 16–17.

Христов, которого никакие внешние треволения мира сего нарушить не могут, если он сам своею волею не вступит снова на путь беззаконий и греха, коими отгоняются от нас Благодать Утешителя. Это „Царство — не от мира сего”, а от Христа Самого. “Христос есть МИР наш”¹⁰⁸.

Рождественское послание Владыки было расценено уполномоченным как «прямое выступление против дела мира»¹⁰⁹. Он докладывал в Совет: «Считаю необходимым, учитывая активизацию антисоветской проповеднической деятельности митрополита Вениамина, вылившуюся в прямое выступление против дела мира, — митрополита Вениамина из Латвийской ССР — удалить»¹¹⁰. Еще ранее Сахаров писал в Совет: «Митрополит Вениамин продолжает поддерживать активную переписку как с адресами в Советском Союзе, так и за границей. Поддерживает переписку с духовенством, репрессированным органами Советской власти, находящимся в заключении, и оказывает ему материальную помощь. При возвращении из ссылки духовенства, отбывшего срок наказания, — оказывает ему материальную помощь и назначает на доходные приходы. <...> По непроверенным данным, Епархиальный Совет с ведома митрополита Вениамина оказывает материальную помощь семьям священнослужителей, репрессированных органами государственной безопасности Республики за антисоветскую деятельность»¹¹¹. Более того, «настоятели приходов русской православной церкви Латвии, — продолжал Сахаров, — не без ведома митрополита Вениамина практикуют пособия церковному активу, чем ставят отдельных лиц в зависимость от приходов и привлекают их к активной деятельности в своих, враждебных нам идеологически, интересах»¹¹².

В своем желании удалить митрополита Вениамина от управления Рижской епархией рижский уполномоченный заручился поддержкой секретаря ЦК КП(б) Латвии Я. И. Калнберзина¹¹³. Так, в письме на имя Г. Г. Карпова от 31 января 1951 г. тот сообщал: «...учитывая особенности Латвийской ССР как сравнительно молодой советской республики, расположенной в пограничном районе, Центральный Комитет КП(б) Латвии считает дальнейшее пребывание митрополита Вениамина во главе православной церкви Латвии нежелательным и просит Вашего Содействия об отзывании его из Латвийской ССР. О принятых Вами мероприятиях прошу поставить в известность ЦК КП(б) Латвии»¹¹⁴.

Вскоре данные «мероприятия» были осуществлены. Владыка со смирением принял известие о своем переводе на Ростовскую кафедру, которое было озвучено на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви 27 марта 1951 г.

Вскоре, на встрече с С. К. Бельшевым в Москве, митрополит Вениамин откровенно высказал свое мнение, вынесенное им за годы управления Латвийской епархией, что свободы Церкви в Советском Союзе нет, а, наоборот, здесь на нее

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 831. Л. 17.

¹⁰⁹ Там же. Л. 9.

¹¹⁰ Там же. Л. 10.

¹¹¹ Там же. Д. 712. Л. 64.

¹¹² Там же. Л. 65.

¹¹³ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 72. l., 4. lp.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 831. Л. 33–34.

существует открытое гонение¹¹⁵. Свои слова он иллюстрировал примерами гонений в школе, в армии, в средствах печати. «Все эти факты, — заключал он, — а их можно было бы привести очень много, убеждают меня в том, что здесь не только нет веротерпимости, а, наоборот, во всей политике проводится подчеркнутая антирелигиозная линия»¹¹⁶. Такое положение, по словам митрополита, вызывало у него глубокую скорбь, но лояльного отношения к власти он по-прежнему не менял и сложившуюся ситуацию расценивал как испытание Божие, к которому нужно было относиться по-христиански — с терпением и кротостью.

Митрополит Вениамин также совершенно открыто говорил на встрече с Бельшевым о том, что перед отъездом в Советский Союз из Америки у него было опасение в том, не приспособится ли Русская Православная Церковь к современным советским условиям, и что это опасение теперь подтверждалось. В справке, составленной по итогам описанной беседы, Бельшев докладывал: «Из рассуждений митр[ополита] Вениамина можно сделать вывод, что он себе представляет церковь в Советском Союзе как какое-то государство в государстве, которое проводит какую-то свою, особую линию»¹¹⁷. Надо признать, что со стороны Владыки так оно и было.

8 апреля 1951 г. в Рижском кафедральном соборе состоялось торжественное прощальное богослужение в присутствии духовенства города Риги¹¹⁸. По окончании богослужения митрополит Вениамин произнес проповедь и простился с присутствующими, высказав сожаление, что не сумел выполнить своих обширных планов. Собор был полон народа. Сам Владыка и некоторые прихожане плакали¹¹⁹. Говоря об отъезде из Риги, митрополит сожалел о духовенстве, к которому он привык, сожалел о ските-даче на Рижском взморье и высказывал опасения, что ему будет трудно в новой епархии¹²⁰. На следующий день, 9 апреля, митрополит вылетел утренним самолетом из Риги в Ростов через Москву¹²¹.

Подводя итог служению митрополита Вениамина на Рижской кафедре, необходимо отметить его убеждение в том, что сохранять православие можно при любом политическом строе и при любых условиях, памятуя слова Христа: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22.21). Рассматривая свою деятельность через призму Священного Писания, Владыка помнил, что он наследник апостолов, и оставался верен канонам Православной Церкви, неукоснительно соблюдая правило: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим 13.11). В то же время, по мнению власти, действия правящего архиерея в Советском Союзе должны были быть инкорпорированы в русло внешней и внутренней политики советского государства. А нежелание следовать этим путем, независимость управляющего

¹¹⁵ См.: *Онищенко А. Б.* О роли и значении Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1953 годах // Церковь и время. 2011. № 55. С. 144.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 30.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ LNA LVA 1452. f., 1. apr., 57. l., 79.–80. lp.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 831. Л. 62–63.

¹²⁰ Там же. Л. 74.

¹²¹ Там же. Л. 75, 80.

епархией воспринимались властью как скрытое проявление антисоветских настроений и чуть ли не саботаж. Совет по делам Русской Православной Церкви, мыслимый изначально как связующее звено между Церковью и правительством, по справедливому замечанию А. Б. Онищенко, «превращался из органа поддержки Церкви в жесткий орган атеистического контроля всех сфер духовной жизни и лиц, в нее вовлеченных»¹²². По стечению обстоятельств это превращение началось именно в 1948 г. Это было заметно в регионах, где случаи умеренной политики Совета встречали недопонимание и сопротивление со стороны местных руководящих партийных и государственных органов, а также местных органов госбезопасности. Зачастую и местный уполномоченный не всегда выдерживал умеренный курс вышестоящей инстанции. При этом Совет строго следил, чтобы в личных взаимоотношениях между епископом и уполномоченным не возникало каких бы то ни было симпатий.

Для митрополита Вениамина за три с лишним года пребывания в Риге Латвийская кафедра стала родной. Главной его заботой здесь было укрепление латышских приходов и православия среди латышей. Насколько этому позволяли силы и обстоятельства, Владыка свою задачу последовательно выполнял. При этом как архипастырь он сочетал в себе и мудрость, и простоту, следуя евангельским словам: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Мф 10. 16). Зачастую последнее воспринималось окружающими как та простота, которая граничит с наивностью и непониманием окружающей советской действительности. Тогда как умелое использование епископами Русской Православной Церкви в своих отношениях с уполномоченными «змеиной мудрости» должно было свидетельствовать об их недюжинных административных способностях, гибкости и умении выстраивать отношения с властью. Нежелание митрополита Вениамина принимать участие в деле «борьбы за мир» вызывало у представителей власти нескрываемое раздражение. И, думается, не только у представителей власти. Еще в 1945 г., в письме к митрополиту Сергию (Тихомирову), упоминая о том, что среди новых епископов в России немало бывших «обновленцев» и чая возрождения Русской Православной Церкви, митрополит Вениамин писал: «Что же касается “духа”, то (если говорить правду) мне лично хотелось бы больше пламени. Есть разные святители. Но не буду смел в обобщениях, можно и обмануться»¹²³. Спустя несколько лет митрополит уже открыто заявлял С. К. Бельшеву, что Русская Православная Церковь, по его мнению и к его сожалению, приспосабливается к современным условиям.

При всей своей гибкости и лояльности по отношению к власти митрополит Вениамин (Федченков) в то же время проявлял недюжинную стойкость и твердость в тех вопросах, которые касались истин православия и внутренней церковной автономии. Как один из ярких примеров, можно привести случай, когда во время одного из своих визитов к рижскому уполномоченному 23 января 1950 г. митрополит Вениамин заявил, что у него «имеется намерение о назначении на приходы после возвращения в Латвийскую ССР священнослужителей, ранее здесь проживавших, но репрессированных органами государственной безопас-

¹²² Онищенко. Указ. соч. С. 144.

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 64. Л. 97.

ности и высланных из пределов Латвии»¹²⁴. На эту инициативу уполномоченный высказал свое «отрицательное мнение». «Однако, — добавлял он, — нет оснований считать, что митрополит Вениамин поймет это»¹²⁵, то есть исполнит указание уполномоченного, а не проигнорирует его, посчитав это вмешательством государственной власти в церковные дела. Данной позиции митрополит Вениамин придерживался последовательно, сменив за 10 лет пребывания в Советском Союзе три епископские кафедры. И неслучайно, требуя в 1958 г. «ускорить направление на пенсию митрополита Вениамина», Саратовский уполномоченный докладывал в Совет: «С таким митрополитом, каким является митрополит Вениамин, добиться того, чтобы церковь делала то, что нам политически выгодно и целесообразно, нельзя. Это он красноречиво доказал своей службой в Латвии, в Ростовской области»¹²⁶. Можно было бы дополнить, что это митрополит Вениамин «доказал» и в Америке, свидетельством чему являлась его позиция в переговорах об объединении с Северо-Американской митрополией в 1945–1947 гг.¹²⁷ В итоге митрополит Вениамин был уволен на покой в 1958 г. с правом проживания в Псково-Печерском мужском монастыре, где через три года почил.

Ключевые слова: Латвийская Православная Церковь, отношение Церкви и государства, советский режим в Латвии в 1948–1951 гг., митрополит Вениамин (Федченков), Совет по делам РПЦ, «борьба за мир».

THE ARCHPASTORAL MINISTRY OF METROPOLITAN VENIAMIN (FEDCHENKOV) IN LATVIA IN 1948–1951 YEARS

G. SEDOVA, R. PROSVETOV

In this article there are main stages of the archpastoral Ministry and practice of Metropolitan Veniamin (Fedchenkov) in the Latvian SSR after his return home from the USA in 1948. Metropolitan Veniamin consistently built the relationships with two commissioners of the Council for Russian Orthodox Church Affairs under the Council People Commissars of the USSR during his administration of the Riga diocese from 1948 to 1951. The authors draw on a wide range of archival sources and show that Metropolitan Veniamin was a law-abiding, but his main concern was the preservation of the internal Church autonomy in the conditions of harsh Soviet pressure and establishment of a

¹²⁴ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 7. Д. 27. Л. 109.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. Оп. 7. Д. 27. Оп. 1. Д. 1576. Л. 10.

¹²⁷ См.: *Просветов Р. Ю.* Епископальная церковь Америки и ее влияние на переговорный процесс между Североамериканской митрополией и Московским Патриархатом в 1945–1947 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2013. Вып. 5 (54). С. 60–72.

constructive interaction with the state. In the article special attention is given to the situation of Latvian parishes, as well as Archpastor's thoughts about the future of the Orthodox Church in Latvia and his actions for the strengthening of Orthodoxy among Latvians in the period of his administration of the Riga diocese.

Keywords: the Latvian Orthodox Church, Church-state relation, the Soviet regime in Latvia in 1948-1951, metropolitan Benjamin (Fedchenkov), the Affairs' Council of the Russian Orthodox Church, the struggle for peace.

Список литературы

1. *Вениамин (Федченков), митр.* О конце мiра [Письма свящ. Александру в Париж] // Альфа и Омега. Ученые записки Общества для распространения Священного Писания в России. 1997. № 1(12). С. 196–212.
2. *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убеленные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955): Мартиролог православных священнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1952 гг. М., 1999.
3. *Обозный К. П.* История Псковской Православной Миссии. 1941–1944. М., 2008.
4. *Онищенко А. Б.* О роли и значении Совета по делам Русской Православной Церкви в 1943–1953 годах // Церковь и время. 2011. № 55. Апрель–июнь. С. 144.
5. «Разработку Луки продолжаем...»: Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) и Крымская епархия. 1946–1961. М., 2011.
6. *Силин Н. Н.* Жизнь и деятельность митрополита Вениамина (Федченкова) в 1948–1961 гг. в контексте церковно-государственных отношений. Дис. ... канд. богосл. Сергиев посад, 2010.
7. *Шкаровский М. В., Соловьев И., свящ.* Церковь против большевизма. М., 2013.
8. *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999.